Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре

Автор:
Агата Кристи

Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре

Агата Кристи

Эркюль Пуаро

Это произведение уникально. Обычно детективы, вышедшие из-под пера великой Агаты Кристи, немедленно отправлялись в печать. А данная новелла удивительным образом затерялась в пыльных архивах на целых 70 лет…

Знаменитому сыщику Эркюлю Пуаро позвонила его давняя приятельница, писательница детективов Ариадна Оливер, с просьбой срочно приехать в Девоншир в усадьбу Гриншор-хаус. Оказывается, в доме намечен большой праздник, и ее пригласили организовать увлекательную игру «Охота за убийцей». Игроки, пользуясь неочевидными подсказками, должны обнаружить на территории усадьбы «труп», роль которого исполняет один из гостей, и изобличить «убийцу». Ариадна хотела, чтобы Пуаро помог ей с организацией, и великий бельгиец не смог отказать. Но когда игра уже подошла к своей кульминации и ее участники обнаружили «труп», выяснилось, что он… настоящий! Итак, игры кончились. На след убийцы встал сам Эркюль Пуаро…

Агата Кристи

Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре

Agatha Christie

Hercule Poirot and the Greenshore Folly

© Agatha Christie ® Poirot ® © Agatha Christie Limited 1920

Hercule Poirot and the Greenshore Folly © Christie Archive Trust 2014

Introduction © Tom Adams 2014

Preface © Mathew Prichard 2014

Afterword © John Curran 2014

© А. С. Петухов, перевод на русский язык, 2014

© Tom Adams, илл. на форзаце и нахзаце, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Вступление

Более полувека назад – а именно в 1962 году – мой полный энергии агент с великолепным именем Вирджил Помфрет устроил мне встречу с заведующей отделом иллюстраций издательства «Фонтана Букс» Патси Коэн. На ее письменном столе я увидел «Коллекционера» – первый опубликованный роман Джона Фаулза. Заказ на иллюстрации к этому роману я получил от Тони Коуэлла, заведующего отделом иллюстраций в издательстве «Джонатан Кейп», и это была моя первая серьезная попытка использования техники trompe l’oeil[1 - Художественная техника, которая использует реалистичные изображения для создания оптической иллюзии.] для создания книжных обложек. В то время процесс создания обложек нуждался в чем-то новом – и в ком-то, кто должен был наконец привнести в него настоящее искусство. Его явно не хватало, особенно в том, что касалось книг в мягкой обложке. До того времени я много и с удовольствием работал в области создания серьезных иллюстраций для книг в твердых переплетах, которые включали такие произведения, как «Магус» Джона

Фаулза, «Вивисектор» Патрика Уайта и «Сэвилл» Дэвида Стори. Иллюстрации же для книг в мягкой обложке представляли собой, в глазах издателя, нечто второстепенное (если не считать оригинальных типографических обложек издательства «Пингвин»). И действительно, в то время не делалось никаких попыток привнести высокое искусство в процесс создания таких обложек. Однако, с энергичной поддержкой Марка Коллинза, Вирджила Помфрета и Патси Коэн, думаю, что мне это в конце концов удалось.

Мое сотрудничество с Агатой Кристи, начиная с 1962 года, успешно развивалось и ширилось, так как за прошедшие с того момента 25 лет я создал более ста рисунков для обложек ее произведений. Начнем с того, что мне просто нравится хорошо выполнять свою работу. Естественно, что и у меня были неудачи – я знаю, что не всегда мне удавалось удовлетворить Агату или ее семью. Меня часто спрашивают, встречался ли я с Агатой лично? К сожалению, должен ответить отрицательно. Несколько раз подобные встречи пытались организовать: я лично встречался с ее дочерью Розалинд Хикс, ее агентом Эдмундом Корком и другими членами ее команды, но легендарная замкнутость Агаты и частые приступы ее болезни не позволили ей согласиться на встречу с нами. Задним умом я теперь понимаю, что это было даже и к лучшему: думаю, что как я, так и она чувствовали бы себя неловко, обсуждая достоинства и недостатки тех или иных вариантов обложек. Несмотря на это я этим все-таки расстроен, пусть и незначительно. Однако недавно, в связи с проведением выставки моих обложек к произведениям Агаты Кристи в Музее Торквай в 2012 году, я имел честь несколько раз встречаться с ее внуком Мэттью Причардом, красноречивым и верным пропагандистом достижений своей бабушки. Мэтью и его жена Люси всегда поддерживали меня и благодарно восхищались моими работами. Они поддерживали и поощряли мои последние попытки в создании работ, связанных с Агатой, особенно в создании обложки к книге «Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре». Именно они договорились с Национальным фондом[2 - Имеется в виду британский Национальный фонд (англ. National Trust), охраняющий памятники культурного наследия страны.], чтобы мне была представлена возможность поработать в доме и в саду в Гринуэе[3 - Загородное поместье Агаты Кристи.]. Однажды, после великолепного ланча с Мэтью и Люси в Ферри-коттедж, нам с моей женой, детской писательницей Джоджи Адамс, была устроена превосходная лодочная прогулка по реке Дарт.

Я был очень рад, когда Дэвид Браун, редактор Агаты Кристи в издании «Харпер-Коллинз», предложил мне сделать рисунок для обложки[4 - Расположен на форзаце и нахзаце данной книги.] этого до сих пор не опубликованного произведения. Оно является укороченной версией романа «Причуда мертвеца»,

и для меня это была еще одна восхитительная возможность вновь посетить Гринуэй. Второй муж Агаты, Макс Маллован, описал Гринуэй как «маленький рай», а для Агаты это было «самое очаровательное место в мире». И это действительно так. Приятное четырехугольное полностью сохранившееся здание георгианского периода во многом является вещественным воплощением своей знаменитой литературной хозяйки. Но настоящий рай находится в саду. В своем рисунке я попытался, насколько это позволяла фабула рассказа, показать все его великолепие и загадочность. Он, без сомнения, является одним из символов Западной страны[5 - Графства, расположенные к юго-западу от Лондона.], ее пропитанных дождями, а иногда и солнечными лучами пейзажей, уединенных вересковых пустошей и укромных лесных уголков, окаймленных морем и скалистыми берегами.

В Гринуэе великолепный сад, местами похожий на тропический и граничащий с рекой Дарт, который сейчас принадлежит Национальному фонду. Для Агаты он был надежным убежищем от внешнего, часто назойливого, мира. Мира, которым она восхищалась и за которым тщательно наблюдала, но в который наотрез отказывалась интегрироваться.

Эта величайшая детективная писательница, искусная создательница загадок и головоломных сюжетов, была моей вдохновительницей при работе над ее книгами. Мой рисунок к этому рассказу – это дань уважения ее дому и саду, но несмотря на это при его создании я не мог забыть о том, что рисунок в данном случае должен был быть в первую очередь иллюстрацией к происходящему. Я знаю, что Агата инстинктивно не принимала натуралистичных изображений различных происшествий, сцен и человеческих фигур и особо настаивала на том, чтобы Эркюль Пуаро и мисс Марпл никогда не присутствовали на обложках. Хотя издательство «Харпер-Коллинз» и придерживалось этого требования, его американский филиал потребовал большей визуализации, что видно на обложке американского издания «Причуды мертвеца». Я тоже в основном следовал этим требованиям автора, но иногда стоит нарушить какие-то правила, так, как я сделал это для обложки «Путаницы в Гриншоре», на которой присутствуют вполне реалистичные изображения, например, дома, лодочного сарая, паромного колокола и старого форта; магнолии (любимого цветка Агаты), лица леди Стаббс, трупа и садового здания[6 - В дворцовых или парковых ансамблях Англии XVIII–XIX веков часто использовались небольшие конструкции или архитектурные объекты; обычно это были забавные или экстравагантные здания либо здания, предназначенные для иных нужд, чем те, на которые указывали их конструкция или внешний вид. Такой стиль носил название folly (путаница, каприз, причуда).]; и даже слегка стилизованный портрет самой Агаты в

заботливо скрытом укромном уголке рисунка. В иллюстрации присутствует также намек на праздничную толпу на передней лужайке. И все это вплетено в то, что, на мой взгляд, является художественной данью Гринуэю.

Читатели могут обратить внимания на то, что я покрыл лодочный сарай тростником, так, как это описано в рассказе. Сейчас он покрыт шифером, но Мэтью Причард помнит, что изначально он действительно был крыт тростником. То есть, сам того не желая, я восстановил здание в его былом великолепии!

Я никогда не относил себя к великим художникам, таким как Фрэнсис Бэкон, Люсиан Фройд и Грэхэм Сазерленд, однако я считаю себя хорошим мастером и иллюстратором, который, я надеюсь, достоин занять место где-то в середине пантеона британского искусства XX–XXI вв. Кстати, совершенно случайно Грэхэм Сазерленд стал моим другом и учителем в середине 50-х годов, когда я был его близким соседом в кентской деревушке Троттисклиф. Мои визиты в его студию в Белом доме и его визиты в мою в Оуст-хаус были значительными событиями в моей жизни начинающего художника. То, что я смог дожить до XXI века и все еще могу работать в возрасте восьмидесяти лет, во многом объясняется поддержкой и любовью моей семьи и дорогих друзей, не говоря уже о великих и мудрых издателях и покровителях, включая таких, как издательства «Джонатан Кейп» и «Харпер-Коллинз». Джон Фаулз однажды любезно охарактеризовал меня как «одну из самых приятных традиций в английском искусстве, начинающихся в великом искусстве школы деревянной гравюры 60-х годов XVIII столетия и пронесенной Ракхамом, Дюлаком и братьями Детмолдами до наших дней. Том с честью занимает место в этом длинном списке…» Все это прекрасно, но без вдохновения, которое я черпал у таких великих писателей, как Джон Фаулз и Агата Кристи, моя карьера как иллюстратора и создателя обложек не состоялась бы. И мне хватает дерзости позиционировать себя среди людей моей профессии так же, как я позиционирую Агату Кристи среди детективных писателей. Неторопливое погружение в тему и мастерство исполнения являются ключом к нашему успеху. Я всегда думал, что способность к сопереживанию не является единственной отличительной чертой гениальности, хотя и очень важна для этого трудно определимого состояния человеческой души. Вне всякого сомнения, Кристи обладала этим волшебным качеством в полной мере. Не мне судить, есть ли это качество у меня.

С годами я пришел к выводу, что Агата Кристи, без всякого сомнения, является выдающимся мастером детективного романа.

Она была настоящей кружевницей интриги, которая вела нас по тропинке, двигаясь кругами, и в конце концов выводила нас в совершенно неожиданное место. «О, великий боже, – говорили мы, – вот этого мы никак не ожидали». Из первых советов, которые она получила от своей подруги Элен Филпоттс, Агата хорошо усвоила, что писательский труд – это не только искусство, но и мастерство и что существует множество методов и уловок, чтобы обходить стилистические и технические трудности в творчестве.

Работы Агаты – настоящий подарок для любого художника. Характеры, объекты и места действия неисчислимы, но в то же время достаточно расплывчаты, что дает иллюстратору свободу фантазии и творчества. Что же касается воображения, то здесь Агате просто нет равных. Согласно мнению Джэнет Морган, высказанному в ее книге «Агата Кристи. Биография», на писательницу сильно повлияли две книги: «Эксперименты со временем» Дж. У. Данна и «Таинственная вселенная» сэра Джэймса Джина. В 1930 году Кристи пишет Максу:

«Я очень мало в этом понимаю, но все это наполняет мою голову призрачными идеями. Как интересно было бы, если бы Бог был будущим – не чем-то, что мы придумали и создали и что существует в настоящем; представим себе, что он не причина, а результат… Интересно поразмышлять и о следующем: то, что Бог создал этот мир и доволен своим созданием, выглядит очень маловероятным. Ведь изначально человек умирал от голода и холода (сидя на куче угля в земле) и каждая эпидемия бубонной чумы «была делом рук Божьих», а не результатом глупости самого человека. Если жизнь на этой планете зародилась в результате маловероятного стечения обстоятельств, противоречащего законам космографии, то очень интересно было бы понять, как и когда она наконец закончится? В каком-то абсолютном и великолепном разуме…»

Блестящая биография, написанная Джэнет Морган, рассказывает о том, каким плодовитым и искусным фантазером была Агата. Она «видела реальные сны, помнила их и обсуждала и наслаждалась теми снами, во время которых летала…».

Я тоже обладаю таким же даром фантазировать и мечтать, и я всегда считал, что это одна из причин, которая позволяет мне так удачно сопереживать книгам Агаты.

Однако в то же время Агата была очень земным человеком. В своей собственной биографии она дает нам возможность прикоснуться к ее человеческим качествам и юмору.

«Я не люблю толпу, в которой тебя притирают к другим людям, громкие голоса, шум, пустую болтовню, вечеринки, особенно коктейли, сигаретный дым и курение вообще, мармелад, устриц, чуть теплую еду, серые небеса, птичьи лапки и вообще птиц. Но больше всего на свете я не люблю вкус и запах горячего молока.

Я люблю солнце, яблоки, практически любую музыку, математические головоломки и все, что связано с цифрами, отдых на море, купание и плавание, тишину, сон, мечты, еду, запах кофе, лилии, практически любых собак и походы в театр.

Я могла бы написать список, более впечатляющий и включающий гораздо более важные вещи, но тогда это буду уже не я. А мне кажется, что самое главное – это оставаться самой собой».

Агата всегда работала сама по себе. «Самым привлекательным в писательстве является то, что ты занимаешься этим один на один с собой и тогда, когда тебе этого хочется».

Я с этим полностью согласен. Я работаю в студии, набитой всевозможной ерундой, где повсюду лежат книги и где совсем не прибрано. Мне иногда кажется, что по отношению к ее писательскому месту Агата думала о порядке и прибранности не больше, чем я. Когда ее однажды, на радиопрограмме «Увеличение» на BBC, спросили о ее творческом процессе, Агата ответила:

– Вас это, наверное, разочарует, но никакого творческого метода у меня нет.

В своей подробной и очень тонкой книге «Агата Кристи готовит убийство» Джон Курран отмечает: «Свое вдохновение она черпала в хаосе – он возбуждал ее гораздо больше порядка; механистичность ограничивала ее творческий процесс». Это был ее метод, который очень подходит и мне. Из моего хаоса, набросков и множества заметок появляются мои законченные работы.

Археология – это еще одна область, которая сближает нас с Агатой. Она была замужем за археологом, сэром Максом Маллованом. Мой старший сын, профессор Джонатан Адамс, работает морским археологом. Он был заместителем руководителя экспедиции, которая раскапывала и поднимала «Мэри Роуз»[7 - Английская трехпалубная каракка, флагман английского военного флота при короле Генрихе VIII Тюдоре. Затонула в 1545 году, большая часть корабельных останков была поднята к 1982 году.]. В своей работе он создает целое из груды, казалось бы, никак не связанных между собой осколков; так же поступаю и я, как художник, – а он, кстати, совсем неплохой художник. Каждый по-своему, но мы оба разделяем творческий метод Агаты – мне кажется, что процессы и методы, применяемые в археологии, очень схожи с теми, которые применяются при написании детективных историй: сложение не связанных между собой осколков, следование за подсказками, розыск фактов и использование воображения…

Помимо того, что она была великолепным писателем, Агата Кристи была превосходным драматургом. Моя собственная любовь к театру возникла в детстве, когда мои родители сами ставили пьесы и играли в любительских спектаклях. Мне посчастливилось встречаться со многими их друзьями из мира театра, такими как Флора Робсон и Сибил Торндайк, и я с удовольствием вспоминаю, как ребенком посещал театры в Лондоне и Париже. Моя мать, Констанция, была ученицей дамы Кэрри Табс в музыкальной школе Гилдхолла, хотя после свадьбы ей, к сожалению, пришлось оставить пение. Агата тоже училась пению, но предпочла ему литературу.

С созданием обложки для «Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре» мое сотрудничество с Агатой Кристи как ее художника по обложкам продолжается уже более 50 лет. Надеюсь, что этим оно не закончится. Мое мнение об этом великом авторе, которое постоянно росло все эти годы, может быть охарактеризовано следующей цитатой литературного обозревателя газеты «Ньюс Кроникл», которую я вычитал в книге Джона Куррана «Агата Кристи готовит убийство»:

«Миссис Кристи – величайший гений по созданию детективных сюжетов, который когда-либо жил на нашей земле».

Сам бы я не смог сказать лучше.

Том Адамс

Корнуэлл

Январь 2014 г.

Вступление

Действие книги «Причуда мертвеца», которая появилась из этой небольшой новеллы, происходит в одном конкретном месте, что не очень характерно для Агаты Кристи, а именно в Гринуэй-хаус на реке Дарт в Южном Девоншире. Гринуэй – это поместье, где Нима (именно так я называл свою бабушку) обычно проводила лето практически с того момента, когда купила его в 1938 году, и до самой своей смерти в 1976-м. 15 лет назад дом был приобретен Национальным фондом и с тех пор открыт для публики.

В прошлом году там был снят последний эпизод последнего фильма сериала компании ITV «Пуаро Агаты Кристи» с Дэвидом Суше в главной роли. Фильм назывался «Глупость мертвеца». Сериал, который был начат в 1989 г. фильмом «Приключения кухарки из Клепхэма», закончился в зените славы в самом Гринуэе. Ни сама Нима, ни моя рано ушедшая мать Розалинда, которая многое сделала для того, чтобы этот сериал состоялся, не могли мечтать о его лучшем завершении. Как будто Пуаро наконец вернулся домой.

Нам повезло, и погода в последний день съемок стояла великолепная. Сам по себе эпизод, который снимали в тот день, был не очень важным с точки зрения драматургии повествования, однако он был важен сам по себе, так как в нем принимал участие несравненный Дэвид Суше. Загримированный и одетый в костюм Эркюля Пуаро, он должен был подняться по ступеням дома в своей собственной неповторимой манере и постучать в дверь.

Наконец, после трех дублей, мы услышали благословенные слова «стоп, снято», и все в доме – или скорее на лужайке перед домом, где собралась громадная толпа, чтобы отметить окончание работы, – «смахнули слезу». Самый любимый сериал, посвященный приключениям самого любимого литературного героя – Эркюля Пуаро, сыгранного самым любимым характерным актером Дэвидом Суше, был наконец завершен. Если бы кто-нибудь сказал Ниме, которая, к

сожалению, никогда не встречалась с Дэвидом Суше, что сериал такого размаха и популярности будет сниматься, с небольшими перерывами, в течение 25 лет, я уверен, она бы в это не поверила.

Однако моя собственная любовь к роману «Причуда мертвеца» началась задолго до начала съемок сериала. Книга была опубликована в 1956 году, когда мне было 13 лет, и ее издание совпало с двумя важными фактами: мне начали нравиться книги бабушки, и я стал проводить летние каникулы в Гринуэе вместе со своей семьей и, конечно, вместе с бабушкой.

Не могу похвастаться, что я помню праздник на лужайке, но очень хорошо помню другие, не такие грандиозные, события, так как Гринуэй постепенно превращался в пристанище множества литературных и театральных друзей бабушки (а тот год был вершиной театрального творчества Нимы), а также друзей моего деда, Макса Маллована, из мира археологии. Нима никогда не списывала своих героев с реально существовавших людей, но я покривил бы душой, если бы не сознался, что в некоторых чертах сэра и леди Стаббс и в особенности миссис Фоллиат узнаю черты людей, которых мы тогда знали. Я также не был удивлен, когда обнаружил, что в «Причуде мертвеца» участвуют люди, путешествующие автостопом. Мы знали подобных людей, которые останавливались в молодежном общежитии в Мэйпуле.

Однако мне кажется, что «Причуда мертвеца» вызывает у меня два особых воспоминания, связанных с тем временем: одно – о героине, другое – о месте действия. Героиня эта – Ариадна Оливер. Будучи по книге гораздо более шумной, чем Нима, она обладала чем-то напоминающим энтузиазм последней, ее любовью к яблокам и писательским любопытством, которое очень напоминает мне любопытство самой Нимы. Она появляется в семи романах, шесть из них с Пуаро в качестве главного действующего лица, а в фильме ее великолепно сыграла Зош Ванамакер.

Место действия – это лодочный сарай, в котором нашли несчастную жертву. После обеда мы с Нимой часто ходили до лодочного сарая, наблюдая за прогулочными пароходами, которые проплывали мимо («Киролан», «Гордость Пэйгнтона», «Брикскэмская Красотка» – все это были изумительные колесные пароходики, один из которых, к моему большому удовольствию, все еще продолжает плавать). Гиды на этих пароходах всегда говорили о Гринуэе как о доме Агаты Кристи, что было не совсем правильно, потому что Гринуэй был ее летней резиденцией, и, хотя мы слышали их голоса, доносившиеся с

проплывающих кораблей, ни один из них, насколько я помню, так и не узнал великую писательницу, когда она скромно сидела в лодочном сарае вместе со своим внуком. Когда я сейчас вновь читаю эту книгу, то вспоминаю, как прочел ее еще совсем юным мальчиком сразу же, как только она вышла в свет. Тогда я понял кое-что о конструкции детективного романа и его привязке к конкретным местам и людям, потому что те, что описывались именно в этой книге, были мне хорошо знакомы. Подобная аутентичность фактов, без сомнения, одна из причин того, почему книги Нимы и сегодня кажутся такими жизненными и убедительными. Кстати, романы, действие которых было основано на археологии и Ближнем Востоке, были для меня абсолютной выдумкой, хотя Нима в них использовала ту же самую технику, изображая характеры реальных людей и реальные места действия. Ко всему этому она добавляла солидную долю вымысла, так же как она сделала это в «Причуде мертвеца». Надеюсь, что когда-нибудь мне удастся посетить Нимруд, египетские пирамиды или какие-то другие места, которые вдохновляли Ниму, чтобы посмотреть на них ее глазами. Недавно я посетил одно место на Тенерифе, которое вдохновило Харли Кина на написание рассказа, названного «Человек из моря» (в сборнике «Таинственный мистер Кин») – это блестящий короткий рассказ, и мне повезло, что я там побывал.

Как вы, возможно, знаете, моя семья в 1999 году передала Гринуэй Национальному фонду, и сейчас он открыт для публики большую часть года. Любой может посетить лодочный сарай, где произошло убийство, посидеть на стуле рядом с тем местом, где сидела Хэтти Стаббс, и познакомиться с автостопщиками, которым теперь разрешено заходить на территорию. Вы будете приятно удивлены, когда узнаете, что в местном магазине находится одна из лучших в Западной Англии коллекций книг Агаты Кристи. Хотя, как я уже говорил, то, что события книги «Причуда мертвеца» так четко привязаны к Гринуэю, достаточно нехарактерно для бабушки, это не единственный роман Агаты Кристи, в котором слышны отзвуки Гринуэя. Если вам понравилось это место, то вам обязательно нужно прочитать «Пять поросят», в которых рассказывается об убийстве в Гринуэйском старом форте.

И наконец, я очень часто описываю фильмы, поставленные по ним, как «доброжелательные»; надеюсь, что Робин Браун и Гэри Калланд, два генеральных управляющих, которых фонд нанял в 1999 году, смогут сделать Гринуэй таким же доброжелательным и гостеприимным, каким он был во времена Нимы. Надеюсь, что, прочитав эту книгу и посмотрев фильмы с участием Дэвида Суше, вы захотите посетить реальное место, где все это происходило. Вы даже не представляете, какое удовольствие ждет вас в этом

случае.

Мэтью Причард

Монмаут

Январь 2014 г.

Эркюль Пуаро и Путаница в Гриншоре

Глава 1

На телефонный звонок ответила мисс Лемон, энергичная секретарша Эркюля Пуаро.

Отложив свой блокнот для стенографирования, она подняла трубку и произнесла спокойным голосом:

– Трафальгар, восемьдесят один тридцать семь.

Откинувшись в своем кресле с прямой спинкой, Эркюль Пуаро прикрыл глаза. Его пальцы выбивали негромкий задумчивый ритм на краю стола. В мыслях он все еще продолжал шлифовать и так уже безупречный абзац письма, которое диктовал.

Прикрыв мембрану рукой, мисс Лемон спросила тихим голосом:

– Личный звонок из Лэптона, Девоншир. Будете говорить?

Пуаро поморщился – название городка ничего ему не говорило.

– А кто звонит? – осторожно поинтересовался он.

Мисс Лемон заговорила в трубку.

– Ар-рида? – переспросила она с сомнением. – А как, вы сказали, ваша фамилия? – Она опять повернулась к Пуаро. – Миссис Ариадна Оливер.

Брови Эркюля Пуаро полезли на лоб. В его памяти возник образ женщины с растрепанными ветром седыми волосами… орлиным профилем…

Он встал, взял трубку из рук секретарши и напыщенно сообщил в нее:

– У аппарата Эркюль Пуаро.

– Это говорит лично мистер Эркюль Пэррот?[8 - Игра слов – пэррот (parrot) значит по-английски «попугай».] – раздался подозрительный голос телефонистки.

Пуаро заверил ее, что именно так это и было.

– Соединяю вас с мистером Пэрротом, – произнес голос.

Тонкий, пронзительный голос сменился великолепным глубоким контральто, которое заставило Пуаро отодвинуть трубку подальше от уха.

– Мистер Пуаро, это действительно вы? – требовательно спросила миссис Оливер.

– Да, это лично я, мадам.

– А это миссис Оливер. Не знаю, вспомните ли вы меня…

– Ну, конечно же, я вас помню, мадам. Как вас можно забыть?

– И все-таки некоторым это удается, – произнесла миссис Оливер. – И даже довольно часто. Не думаю, что я такая уж запоминающаяся личность. А может быть, это потому, что я люблю экспериментировать со своими прическами. Но

сейчас все это не имеет никакого значения. Надеюсь, я не отвлекаю вас от кучи важных дел?

– Нет, нет, ни в коем случае.

– Прекрасно, мне бы очень не хотелось помешать вам. Все дело в том, что вы мне необходимы.

– Необходим?

– Да, и немедленно. Вы можете прилететь на аэроплане?

– Я не летаю на аэропланах. Меня в них укачивает.

– И меня тоже. Да и в любом случае я не уверена, что на аэроплане получится быстрее, чем на поезде, потому что, насколько я знаю, ближайший аэропорт находится в Эксетере, в десятках миль отсюда. Поэтому приезжайте поездом. Двенадцатичасовым, который отходит с Паддингтонского вокзала. Вы должны выйти на остановке Лэптон в сторону Нассекомбе. Вы все прекрасно успеете. У вас еще целых три четверти часа, если мои часы не врут, хотя в большинстве случаев они именно врут.

– Но где вы, мадам? И в чем, собственно, дело?

– В Гриншор-хаус, в Лэптоне. Или автомобиль, или такси будут ждать вас на станции.

– Но зачем я вам нужен? В чем, собственно, дело? – повторил Пуаро, теряя терпение.

– Телефоны всегда ставят в таких неудобных местах, – объяснила миссис Оливер. – Этот, например, стоит в холле… Здесь постоянно проходят всякие люди со своими разговорами… Мне очень плохо слышно. Но я вас жду. Все будут в совершенном восторге. До встречи.

Раздался резкий щелчок, свидетельствующий о том, что миссис Оливер положила трубку. На линии раздавалось только легкое гудение.

Сбитый с толку Пуаро в замешательстве повесил трубку и что-то пробормотал себе под нос. Лицо мисс Лемон не выражало никаких эмоций, она сидела с карандашом наготове. Приглушенным голосом секретарша повторила последнюю фразу, которую успела записать перед звонком.

– …позвольте мне заверить вас, мой дорогой сэр, что предположение, которое вы изволили выдвинуть…

Пуаро отмахнулся от обсуждения «выдвинутых предположений».

– Это была миссис Оливер, – пояснил он секретарше, – Ариадна Оливер, писательница детективных романов. Вы, наверное, читали… – Но тут он прервал себя, вспомнив, что мисс Лемон была серьезной женщиной, читала только полезные книги и относилась к таким фривольностям, как детективные истории, с презрением.

– Она хочет, чтобы я сегодня приехал в Девоншир – немедленно, поездом, который отходит, – тут он посмотрел на свои часы, – через тридцать пять минут.

Мисс Лемон неодобрительно вскинула брови.

– Только-только успеть, – произнесла она. – А к чему такая спешка?

– Очень хороший вопрос! Мне она об этом ничего не сказала.

– Очень мило. А почему?

– Потому что, – задумчиво ответил Пуаро, – она боялась, что ее подслушают. Да, именно так она это объяснила.

– Невероятно. – Мисс Лемон вся ощетинилась, готовая броситься на защиту своего работодателя. – И о чем только эти люди думают? Неужели она надеется, что вы броситесь куда-то по первому ее требованию? Такой занятой человек, как вы!.. Я всегда говорила, что эти художники и писатели совершенно не в себе – никакого чувства реальности. Давайте я позвоню и пошлю ей телеграмму: «Сожалею Лондон покинуть не могу».

Она уже протянула руку к телефону, но Пуаро остановил ее.

– Du tout![9 - Совсем нет! (фр.)] – произнес он. – Напротив, я попрошу вас немедленно вызвать мне такси. – Джордж, – повысил он голос, – самые необходимые туалетные принадлежности и мой маленький саквояж. И пожалуйста, как можно быстрее. Мне надо успеть на поезд.

Глава 2

Поезд, проделав около ста восьмидесяти миль[10 - Миля – около 1,609 км.] из общего расстояния в двести двадцать на крейсерской скорости, медленно и как бы извиняясь пропыхтел оставшиеся тридцать и прибыл в Лэптон. На этой остановке сошел только Эркюль Пуаро. Он с большой осторожностью преодолел препятствие в виде промежутка между ступенькой вагона и платформой и оглянулся по сторонам. В дальнем конце платформы носильщик возился в багажном отделении. Пуаро поднял свой саквояж и двинулся к выходу. Предъявив свой билет, он прошел через кассы и вышел из здания вокзала.

Перед зданием стоял большой «Хамбер-салон»[11 - «Хамбер» – английская автомобильная марка, существовавшая в 1868–1931 гг.], шофер которого вышел из машины и подошел к детективу.

– Мистер Эркюль Пуаро? – уточнил он уважительным тоном.

Он взял саквояж и открыл дверь автомобиля перед пассажиром. Они отъехали от станции, пересекли мост через реку и двинулись по загородной дороге, с которой открывался великолепный вид на реку.

– Дарт, сэр, – произнес шофер.

– Magnifique![12 - Великолепно! (фр.)] – с готовность сказал Пуаро.

Сельская дорога шла мимо зеленых кустарниковых изгородей, опускалась вниз, а затем снова поднималась вверх.

В том месте, где она поднималась на холм, две молоденькие девушки в шортах и ярких шарфах на головах, нагруженные тяжелыми рюкзаками, медленно поднимались по склону.

– Здесь недалеко молодежное общежитие, сэр, – объяснил шофер, который принял на себя обязанности гида Пуаро по Девонширу. – Называется «Верхний Гриншор». Останавливаются в нем на пару ночей, не больше. Сейчас у них самый сезон. Сорок-пятьдесят шиллингов за ночь.

– Ах, вот как, – заметил Пуаро. Он уже не в первый раз размышлял о том, что шорты, когда на них смотришь со спины, подходят далеко не всем представительницам женского пола. Сыщик зажмурил глаза от огорчения.

– Кажется, они здорово нагружены, – пробормотал он.

– Да, сэр. А добираться от вокзала или автобусной остановки – путь неблизкий. Почти две мили. Если вы не возражаете, сэр, – заколебался шофер, – мы могли бы их подбросить.

– Ну конечно. Всенепременно, – благодушно согласился Пуаро.

Автомобиль затормозил и почти бесшумно остановился рядом с девушками. К ним с надеждой повернулись два покрасневших и слегка мокрых лица. Дверь была открыта, и девушки забрались в авто.

– Очень по-доброму, пожалуйста, – вежливо произнесла одна из них с иностранным акцентом. – Ходить дальше, чем я думать, да.

Было видно, что вторая девушка совсем не говорит по-английски – она просто несколько раз с благодарностью наклонила голову и пробормотала «grazie»[13 - Спасибо (ит.).]. Ее блестящие каштановые кудряшки выбились из-под шарфа, а на носу у нее были очень серьезно выглядевшие очки.

Девушка, которая знала английский язык, тарахтела без умолку. Она приехала в Англию на каникулы, на две недели. Сама она из Роттердама. Она уже видела Страдфорд-на-Эйвоне, Кловелли, собор в Эксетере, Торквай и теперь «после того как посмотреть на здешние красоты и исторический Дартмут, я направляться в

Плимут, смотреть на Новый Мир с Плимутский утес».

– Утес? – переспросила итальянка и в замешательстве покачала головой.

– Она сильно не говорить английский, – объяснила голландка. – Но я понимать, что у ее здесь есть родственница, которая жениться на жентелмен, который иметь магазин бакалея. Она проводить время с ним. Мой подруга из Роттердам поела плохой мясо и пирог из ветчина в Эксетере и сичас болеть.

Шофер притормозил на развилке дороги. Девочки выбрались из машины и поблагодарили на двух языках, а затем шофер жестом указал им на левую дорогу. На секунду он сбросил маску олимпийского небожителя.

– И будьте поосторожнее с корнишскими пирожками, – предупредил он. – Одному Богу известно, что они туда кладут в разгар сезона.

Автомобиль быстро двинулся по правой дороге в сторону густой рощи деревьев.

– Приятные молодые женщины, по крайней мере, некоторые из них, хотя и иностранки, – заметил водитель. – Правда, ходят они, где хотят. Совершенно не думают о том, что это частная собственность.

Они продолжали двигаться вниз по крутому склону среди деревьев. Въехав в ворота, машина покатила по извилистой подъездной аллее и наконец остановилась перед большим белым домом, построенным в георгианском стиле и обращенным окнами на реку.

В тот момент, когда шофер распахнул дверь автомобиля, на ступенях появился высокий дворецкий.

– Господин Эркюль Пуаро?

– Да.

– Миссис Оливер ожидает вас, сэр. Вы найдете ее на старом форте. Позвольте, я покажу вам дорогу.

И он показал Пуаро извилистую тропинку; та шла вдоль леса, сквозь деревья которого иногда проглядывала река. Тропинка постепенно снижалась, пока не вышла на круглое открытое место, обнесенное невысоким крепостным парапетом. Вот на этом парапете и сидела миссис Оливер. Она встала навстречу Пуаро; несколько яблок упали с ее колен и раскатились в разные стороны. При встречах с миссис Оливер наличие яблок было неизбежным.

– Не могу понять, почему я все всегда роняю. – Речь миссис Оливер была невнятной, так как говорила она с полным ртом. – Как вы поживаете, месье Пуаро?

– Tre?s bien, che?re Madame[14 - Очень хорошо, сударыня (фр.).], – вежливо ответил Пуаро, – а вы?

Внешний вид миссис Оливер несколько отличался от того, который помнил детектив, и причиной этому было то, что она еще раз изменила свою прическу, на что намекнула в телефонном разговоре. В последний раз, когда Пуаро видел миссис Оливер, ее прическа имела вид растрепанной ветром. Сейчас ее волосы, сильно подсиненные, были подняты вверх в виде множества маленьких искусственных колечек, которые должны были напоминать псевдостиль маркизы Помпадур.

Этот стиль пропадал на уровне ее шеи; все, что было на ней ниже этого уровня, можно было охарактеризовать как «практичный деревенский»: грубый твидовый жакет ядовитого цвета яичного желтка и джемпер раздражающего горчичного цвета.

– А я знала, что вы приедете, – весело сказала миссис Оливер.

– Вы никак не могли этого знать, – сурово ответил Пуаро.

– Нет, знала.

– Я сам все еще спрашиваю себя, почему оказался здесь.

– А я знаю ответ – из любопытства.

Пуаро посмотрел на нее, и его глаза блеснули.

– Эта ваша пресловутая женская интуиция, – ответил он, – на этот раз не так уж и далека от истины.

– Не смейте смеяться над моей женской интуицией. Вспомните, что я всегда сразу же угадывала имя убийцы.

Пуаро галантно промолчал, иначе ему пришлось бы напомнить ей – дай бог с пятого раза и далеко не всегда. Вместо этого он произнес, оглянувшись вокруг:

– У вас здесь великолепное место.

– Вы имеете в виду все это вокруг? Но это принадлежит не мне, месье Пуаро. А вы именно так подумали? Нет, нет, все это принадлежит людям по фамилии Стаббс.

– А кто они?

– Если сказать правду, то никто, – ответила писательница. – Просто богатеи. А я здесь исключительно по делу.

– Набираетесь местного колорита для одного из ваших chefs-d’oeuvre?[15 - Шедевр (фр.).]

– И опять не угадали. Именно по делу. Я здесь работаю. Меня наняли для того, чтобы организовать убийство.

Сыщик в молчании уставился на женщину.

– Да нет, конечно, не настоящее, – успокоила его миссис Оливер. – Завтра здесь состоится большой праздник. И в качестве основной новинки здесь будет организована «Охота за убийцей». Которую я срежиссирую. Ну, знаете, как «Охота за сокровищами»; только они так часто играли в эту игру, что «Охота на убийцу» кажется им настоящей новинкой. Поэтому мне заплатили весьма неплохие деньги за то, чтобы я приехала сюда и все это выдумала. И вы знаете, это довольно интересно – ничем не напоминает мою обычную скучную рутину.

– И как все это будет происходить?

– Ну, естественно, будет жертва. И подсказки. И подозреваемые. Все достаточно традиционно: женщина-вамп, шантажист, молодые влюбленные, зловещий дворецкий и так далее. Платите полкроны вступительного взноса, и вам предъявляют первую подсказку. После этого вам надо найти Жертву, Оружие, Преступника и определить Мотив. Ну и в конце игры будут раздаваться призы.

– Великолепно, – произнес Эркюль Пуаро.

– Кстати, – с сожалением заметила писательница, – организовать все это гораздо сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Ведь, в отличие от моих книг, в реальной жизни люди довольно смышлены.

– И вы пригласили меня, чтобы я помог вам в организации всего этого действа?

Пуаро даже не пытался скрыть свою ярость.

– Нет, – ответила миссис Оливер. – Ну, конечно же, нет! Я уже все сама организовала. К завтрашнему дню все абсолютно готово. Нет, вы мне нужны совсем по другой причине.

– По какой же?

Миссис Оливер подняла руки к своей голове. Она уже готова была запустить их в прическу жестом, который был так хорошо знаком Пуаро, когда вспомнила о своей сложной coiffure[16 - Прическа (фр.).]. Поэтому свою мысль она подчеркнула, подергав себя за мочки ушей.

– Я не могу назвать себя неуравновешенной дурой, – сказала она, – но мне кажется, что здесь что-то не так.

– Что-то не так? Что вы имеете в виду?

– Не знаю… Я бы хотела, чтобы вы выяснили именно это. Но я чувствую – все сильнее и сильнее, – что мною манипулируют… как будто меня ведут куда-то в

узде… Вы можете, если хотите, назвать меня дурой, но я хочу сказать вам, что если завтра вместо игрушечного убийства произойдет настоящее, то я совсем этому не удивлюсь.

Сыщик уставился на нее, и она вызывающе посмотрела на него в ответ.

– Очень интересно, – заметил Пуаро.

– Наверное, вы считаете меня полной идиоткой, – попыталась защититься миссис Оливер.

– Я никогда так не думал, – ответил сыщик.

– Неправда, я ведь знаю, что вы говорите или думаете об интуиции.

– Вещи можно называть по-разному, – объяснил бельгиец. – Я вполне готов поверить, что вы увидели или услышали нечто, что заставило вас насторожиться. Думаю, что вы сама не можете сейчас определить, что же такое вы увидели или услышали. Вы чувствуете только результат. Наверное, можно сказать так: вы сами не знаете, что же именно вы знаете. Если хотите, назовите это интуицией.

– Чувствуешь себя такой дурой, – уныло заметила миссис Оливер, – когда не можешь точно определить свои ощущения.

– Не волнуйтесь, всему свое время, – подбодрил ее Пуаро. – Вы говорили, что ощущаете, словно вас как будто – как вы выразились – ведут куда-то в узде? Не могли бы вы поточнее объяснить мне, что вы имеете в виду?

– Знаете, это довольно сложно… Как бы вам это объяснить – ну, в общем, это ведь мое убийство. Я его продумала и спланировала, и оно абсолютно правдоподобно. Если вы вообще что-нибудь знаете о писателях, то знаете, что мы совершенно не переносим рекомендаций. Люди иногда говорят: «Великолепно, но почему бы не сделать так, чтобы такой-то или такая-то не совершили то-то и то-то?» Или: «А не кажется ли вам, что жертвой должен быть А вместо Б? Или убийцей должен оказаться В вместо Г?» То есть я хочу сказать, что в этом случае мне хочется всем им ответить: «Хорошо, тогда напишите все

сами и так, как вам хочется!»

Пуаро кивнул в знак понимания.

– И вы хотите сказать, что именно это сейчас происходит?

– Нет, не совсем… Естественно, была сделана масса всяких глупых предложений, а потом я встала на дыбы, и они от меня отвязались; однако им удалось-таки пропихнуть одно маленькое, незначительное изменение, и то только потому, что по отношению ко всем остальным я стояла насмерть. А с этой тривиальностью я согласилась, даже не обратив на нее внимания.

– Понятно, – задумчиво произнес бельгиец. – Да, действительно, есть такой метод… Сначала предлагается что-то серьезное и заведомо невыполнимое, но не это является главным. Главной целью является именно небольшое и малозначащее изменение. Я правильно вас понял?

– Совершенно правильно, – подтвердила писательница. – И, кроме того – может быть, мне это и кажется, хотя я в этом и сомневаюсь, – ни одно из всех предложений не было важным. И вот именно это стало меня беспокоить – это и та… атмосфера, которая все это окружает.

– А кто предлагал вам все эти изменения?

– Разные люди, – объяснила миссис Оливер. – Если бы это был какой-то один человек, то я была бы более уверена в своих предположениях. Но это не один человек, хотя иногда мне кажется, что это именно так и есть. Я имею в виду, что один и тот же человек действует через множество ничего не подозревающих людей.

– А вы не предполагаете, кто бы это мог быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Художественная техника, которая использует реалистичные изображения для создания оптической иллюзии.

2

Имеется в виду британский Национальный фонд (англ. National Trust), охраняющий памятники культурного наследия страны.

3

Загородное поместье Агаты Кристи.

4

Расположен на форзаце и нахзаце данной книги.

5

Графства, расположенные к юго-западу от Лондона.

6

В дворцовых или парковых ансамблях Англии XVIII–XIX веков часто использовались небольшие конструкции или архитектурные объекты; обычно это были забавные или экстравагантные здания либо здания, предназначенные для иных нужд, чем те, на которые указывали их конструкция или внешний вид. Такой стиль носил название folly (путаница, каприз, причуда).

7

Английская трехпалубная каракка, флагман английского военного флота при короле Генрихе VIII Тюдоре. Затонула в 1545 году, большая часть корабельных останков была поднята к 1982 году.

8

Игра слов – пэррот (parrot) значит по-английски «попугай».

9

Совсем нет! (фр.)

10

Миля – около 1,609 км.

11

«Хамбер» – английская автомобильная марка, существовавшая в 1868–1931 гг.

12

Великолепно! (фр.)

13

Спасибо (ит.).

14

Очень хорошо, сударыня (фр.).

15

Шедевр (фр.).

16

Прическа (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/agata-kristi/erkyul-puaro-i-putanica-v-grinshore

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити